

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

књ. LXXVI, св. 2

ISSN 0350-185X
UDC 808

SERBIAN ACADEMY OF SCIENCES AND ARTS
AND
SASA SERBIAN LANGUAGE INSTITUTE

SOUTH SLAVIC PHILOLOGIST

Vol. LXXVI, No. 2

Editorial Board

*Dr Rajna Dragičević, Dr Victor Friedman, Dr Najda Ivanova,
Dr Vladan Jovanović, Dr Aleksandar Loma, Dr Alina Maslova,
Dr Sofija Miloradović, Dr Miroslav Nikolić, Dr Slobodan Pavlović,
Dr Predrag Piper, Dr Slobodan Remetić, Dr Jelica Stojanović,
Dr Sreto Tanasić, Dr Zuzanna Topolińska, Dr Anatoly Turilov,
Dr Jasna Vlajić-Popović*

Editor-in-Chief

Rajna Dragičević

BELGRADE
2020

ISSN 0350–185X

UDK 808

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ
И
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

књ. LXXVI, св. 2

Уређивачки одбор

*др Јасна Влајић-Појовић, др Рајна Драгићевић, др Најда Иванова,
др Владан Јовановић, др Александар Лома, др Алина Маслова,
др Софија Милорадовић, др Мирослав Николић, др Слободан Павловић,
др Предраг Пијер, др Слободан Реметић, др Јелица Сијојановић,
др Срејто Танасић, др Зузана Тојолињска, др Анајолиј Турилов,
др Викџор Фридман*

Главни уредник
Рајна Драгићевић

БЕОГРАД
2020

Први број *Јужнословенског филолога* изашао је 1913. године, у Београду. Часопис су покренули Љубомир Стојановић и Александар Белић, чланови Српске краљевске академије. Први уредник *Јужнословенског филолога* био је Александар Белић. Од броја XVIII часопис издају Српска академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ. Часопис излази два пута годишње.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

808

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ филолог = South slavic philologist / главни уредник
Рајна Драгићевић. - [Штампано изд.]. - Књ. 1, св. 1/2 (1913) ; књ. 2, св. 1/2
(1921)-књ. 11 (1931) ; књ. 12 (1933)-књ. 17 (1938/1939) ; књ. 18, св. 1/4
(1949/1950)- . - Београд : Српска академија наука и уметности : Институт за
српски језик САНУ, 1913; 1921-1931; 1933-1939; 1950- (Београд : Birograf
comp). - 24 cm

Полугодишње. - Текст ћир. и лат. - Друго издање на другом медијуму:
Јужнословенски филолог (Online) = ISSN 2406-0763
ISSN 0350-185X = Јужнословенски филолог
COBISS.SR-ID 615183

Секретар Уређивачког одбора
др Владан Јовановић

Рецензенти

др Дејан Ајдачић, др Александар Лома, др Александар Лукашанец,
др Радмило Маројевић, др Александар Милановић, др Мотоки Номаћи,
др Слободан Павловић, др Људмила Поповић, др Биљана Сикимић,
др Марија Стефановић, др Зузана Тополињска

Ово издање финансирало је Министарство просвете, науке и технолошког развоја
Републике Србије према Уговору број 451-03-68/2020-14/200174 који је склопљен са
Институтом за српски језик САНУ.

Прихваћено на седници Одељења језика и књижевности САНУ 5. 9. 2020.

Издају

Српска академија наука и уметности, Кнез Михаилова 35, Београд
Институт за српски језик САНУ, Кнез Михаилова 36, Београд

Коректура

Дивна Продановић

Припрема за штампу

Давор Палчић (*palcic@eunet.rs*)

Штампа

Birograf comp d. o. o.
Београд

Решењем Министарства за науку, технологију и развој Републике Србије, број 413-00-724/2002-01
од 17. 7. 2002. године, ова публикација је ослобођена пореза на промет.

САДРЖАЈ

Студије и расправе

Зузана В. Тополињска: Дали предлозите претставуваат посебна зборовна група (<i>pars orationis</i>)?	9
Zuzanna V. Topolińska: Da li predlozi predstavljaju autonomnu vrstu речи?	14
Zuzanna V. Topolińska: Do the Prepositions Represent an Autonomous Lexical Class?	14
Марјан Д. Марковиќ: Анализа на формалната и семантичка деривација на прасловенскиот корен * <i>dvig</i> - во македонскиот јазик	15
Марјан Д. Марковиќ: Формална и семантичка деривација прасловенског глаголског корена * <i>двиг</i> - у македонском језику	24
Marjan D. Marković: Formal and Semantic Derivation of the Proto-Slavic Verbal Root * <i>dvig</i> - in the Macedonian Language	25
Екатерина И. Јакушкина: Опыт реконструкции синонимических отношений в праславянской лексике на сербскохорватском диалектном материале	27
Екатерина И. Јакушкина: Реконструкција синонимских односа у прасловенској лексици на српскохрватској дијалекатској грађи	46
Ekaterina I. Yakushkina: The Reconstruction of Synonymous Relations in the Proto-Slavic Vocabulary Based on the Serbo-Croatian Dialect material	46
Исидора Г. Бјелаковић: Графијско-ортографска и граматичка начела Павла Соларића и почеци стандардизације српског језика	47
Исидора Г. Бјелаковић: Графическо-орфографические принципы Павле Соларича и начало стандартизации сербского языка	76
Isidora G. Bjelaković: Pavle Solarić's Orthographic and Grammatical Principles and the Beginning of Serbian Language Standardisation	77
Јерзи М. Бартомињски: W poszukiwaniu paradygmatu etnolingwistyki: glosariusz kluczowych terminów i pojęć	79
Јерзи М. Бартомињски: У потрази за парадигмом етнолингвистике: глосар кључних појмова и концепата	102
Jerzy M. Bartmiński: In Search of an Ethnolinguistic Paradigm: A Glossary of Key Terms and Concepts	103
Євгенія А. Карпилівська: Підходи до опису інновацій у сучасній українській неографії	105
Јевгенија А. Карпиловска: Приступ опису иновација у савременој украјинској неографіји	124
Ievgeniia A. Karpilovska: The Approaches to the Description of Innovations in the Modern Ukrainian Neography	125

- Сергей А. Борисов, Глеб П. Пилипенко:
 Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование
 в речи представителей национальных меньшинств Боснии
 и Герцеговины (на примере славянских сообществ
 Республики Сербской) 127
- Сергеј А. Борисов, Глеб П. Пилипенко: Дискурсивне праксе и метајезички
 коментари у говору представника националних мањина
 Босне и Херцеговине (на примеру словенских заједница у
 Републици Српској) 155
- Sergey A. Borisov, Gleb P. Pilipenko: Discursive Practices and Metalinguistic
 Comments in the Speech of Representatives of National Minorities in
 Bosnia and Herzegovina (the Case of Slavic Communities in the
 Republic of Srpska) 155

Прилози

- Bibliographia personalis у часопису *Јужнословенски
 филолог* (В л а д и м и р Б. Ж и в а н о в и ћ) 157

Некролози

- Радоје Симић (1938–2020) (Милош Ђ. Окука) 173

Прикази и критика

- Введение в славянскую филологию : пособие.* А. А. Кожина
 (ред.). Минск: Белорусский государственный университет,
 2019, 287 стр. (Н и к и т а В. С у п р у н ч у к) 181
- Е. В. Падучева. *Эгоцентрические единицы языка.* Москва:
 Издательский дом ЯСК, 2019, 440 стр.
 (А н а К р е ч м е р) 186
- Веселина Ђуркин. *Сложени зависни везници у српском
 језику и њихова функционалност илска дисџрибуција.*
 Београд: Јасен, 2018, 466 стр. (Милош М. Ковачевић) . . 193
- Исходниша 5.* Михај Н. Радан (ур.). Темишвар: Савез Срба
 у Румунији, Центар за научна истраживања и културу
 Срба у Румунији, Филолошки, историјски и теолошки
 факултет Западног универзитета у Темишвару – Ниш:
 Филозофски факултет Универзитета у Нишу, 2019.
 (Б р а н к и ц а Ђ. М а р к о в и ћ) 201
- Два века в двадцати словах.* Н. Р. Добрушина, М. А. Даниель
 (отв. ред.). Москва: Издательский дом Высшей школы
 экономики, 2016, 453 стр. (С т е ф а н Д. М и л о ш е в и ћ) . . . 209

Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 2. В. Н. Калиновская, И. А. Малышева (отв. ред.). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019, 317 стр. (Д р а г а н а М. К е р к е з) 217

Регистры

Регистар кључних речи LXXVI књиге
Јужнословенског филолога, св. 2 223

Регистар имена LXXVI књиге
Јужнословенског филолога, св. 2 225

Напомена 241

ISSN 0350-185X, – Књ. 76, св. 2 (2020), стр. 127–156

UDK: 811.16'28(497.6)

COBISS.SR-ID: 28718089

DOI: <https://doi.org/10.2298/JFI2002127B>

Примљено: 15. маја 2020.

Прихваћено: 9. јуна 2020.

Оригинални научни рад

Сергей А. Борисов*

Глеб П. Пилипенко**

Институт славяноведения Российской академии наук

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И МЕТАЯЗЫКОВОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЛАВЯНСКИХ СООБЩЕСТВ РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ)

В статье представлена типология метаязыковых высказываний в речи представителей славянских миноритарных сообществ, проживающих в Республике Сербской (Босния и Герцеговина). На материале украинского, польского, словенского и чешского языков, собранном авторами в полевых условиях с 2016 по 2019 гг., показано, что метаязыковому осмыслению информантов подвергаются как контактные элементы, так и внутриязыковые единицы. Подобные комментарии отражают сложный этно-конфессиональный состав местности, где проводились полевые исследования, свидетельствуют о языковой ситуации в изучаемых общинах.

Ключевые слова: метаязыковые комментарии, билингвизм, Босния и Герцеговина, языковые меньшинства, славянские языки, островные говоры, украинский язык, словенский язык, польский язык, чешский язык, сербский язык, полевое исследование, переключение кодов.

0.0. Статья основана на материалах, собранных в ходе полевой работы, которая проводилась сотрудниками Института славяноведения Российской академии наук в Боснии и Герцеговине в течение четырех экспедиционных сезонов с 2016 по 2019 гг. среди представителей национальных меньшинств – славян по происхождению. Целью экспедиций была фиксация речи представителей украинской, польской, словенской и

* borisovsergius@gmail.com

** glebpilipenko@mail.ru

чешской диаспор, проживающих в северной части Республики Сербской в общинах Баня-Лука, Градишка, Прњавор, Приедор и Србац, сбор лингвистического, социолингвистического материала, а также сведений о народных традициях и обычаях региона и изучаемых сообществ. Работа с украинцами, как наиболее многочисленной диаспорой, проходила в течение четырех лет (2016–2019 гг.), полевое исследование среди поляков осуществлялось в 2018 и 2019 гг., словенское национальное меньшинство оказалось в центре внимания в ходе экспедиции 2017 г., язык представителей чешской диаспоры был обследован в 2019 г.¹ Кроме того, в распоряжении коллектива исследователей имеются аудиозаписи полевой работы с украинцами и чехами, сделанные в ноябре 2014 г. сотрудниками Института балканистики Сербской академии наук и искусств под руководством др. Б. Сикимич.² За все время экспедиций были обследованы следующие населенные пункты, где были проведены интервью с украинцами: Баня-Лука (Banja Luka), Яблан (Jablan) (община Баня-Лука), Прњавор (Prnjavor), Хрвачани (Hrvaćani), Просьек (Prosjek), Деветина (Devetina), Лишња (Lišnja), Лужани (Lužani), Мачино-Брдо (Maćino Brdo) (община Прњавор), Трнополе (Trnopolje) (община Приедор); с поляками: Баня-Лука, Челиновац (Ćelinovac) (община Градишка); со словенцами: Баня-Лука, Слатина (Slatina), Мало-Блашко (Malo Blaško) (община Баня-Лука), Приедор (Priedor); с чехами: Баня-Лука, Прњавор, Лужани, Мачино-Брдо (община Прњавор), Нова-Вес (Nova Ves) (община Србац), Приедор. Всего в распоряжении авторов имеется более ста часов собранных в полевых условиях собственных аудио и видеозаписей на украинском, польском, словенском, чешском и сербском (хорватском/боснийском) языках, записанных от представителей изучаемых национальных меньшинств, а также от соседей из их доминантного этнического окружения, что является ценным материалом для славянской диалектологии и контактной лингвистики, поскольку в данном регионе исследования подобного масштаба как по охвату идиомов, так и по единообразию методологии сбора нарративов до сих пор не проводились.

Перечисленные выше общины, также как их обсуждаемые языки нельзя назвать хорошо исследованными, многие из них документируются и анализируются впервые. Интерес для анализа представляют славянские миноритарные группы, состоящие из потомков колонистов, кото-

¹ Исследования проходили в рамках проекта «Изучение и защита нематериального культурного наследия Республики Сербской» (рук. др. Еленка Пандуревич, Филологический факультет, Университет Баня-Луки).

² Авторы выражают благодарность др. Биляне Сикимич (Институт балканистики Сербской академии наук и искусств) за предоставленные материалы. Данные материалы были собраны в рамках сотрудничества между Институтом балканистики Сербской академии наук и искусств и Филологическим факультетом Университета в Баня-Луке.

рые расселились на данной территории со времен Австро-Венгрии, т.е. с конца XIX века (украинцы, поляки, чехи), и в межвоенный период во времена Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – в Югославии) (словенцы). Таким образом, речь идет о сообществах, сохраняющих язык, традиционный уклад жизни, обычаи, ремесла, и проживающих компактно в определенной местности (напр., словенцы в селах Мало-Блашко и Слатина, поляки в селе Челиновац, украинцы в селах общины Приявор, чехи в селах Нова-Вес и Мачино-Брдо). Каждое из этих сообществ является инославянским островом в южнославянской среде, а именно: их представители проживают среди носителей штокавского наречия сербского языка (и языков соответствующего автохтонного этнического окружения).³ Следует отметить, что большинство представителей национальных меньшинств является также носителями другого типа культуры, нежели их соседи: большая часть украинцев является грекокатоликами и проживает среди православного сербского населения, а в Лишне и Трнополе – также среди мусульманского населения,⁴ поляки, словенцы и чехи – римо-католики.⁵ Численность этих групп невелика – от нескольких тысяч до нескольких сотен или даже десятков (при этом носителей языков еще меньше, в основном речь идет о представителях старшего поколения, либо о молодом поколении, которые выучили литературный язык вторично).⁶ Пропорциональны и собранные полевые данные, больше всего в нашем корпусе записей с украинцами, далее в порядке убывания: со словенцами, чехами, поляками. В исследовании

³ Результатом подобного взаимодействия является появление в языках национальных меньшинств контактных явлений в фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе. Например, заимствуются союз *da* и предлог *za* в украинский, польский и чешский языки (в словенском языке союз *da* и предлог *za* присутствуют сами по себе).

⁴ Мусульмане в Лишне живут в другой части села, достаточно удаленной от украинских домов.

⁵ Имеется небольшая группа православных украинцев, сохранившаяся на сегодняшний день в селе Хрвачани. Словенцы в Залужанах находились в преимущественно католическом окружении среди хорватов. Кроме того, существуют случаи, когда представители национальных меньшинств проживают в одном и том же населенном пункте (напр., чехи и украинцы в селе Мачино-Брдо). Авторам удалось проводить работу в смешанных семьях, чешско-украинской, словенско-украинской, украинско-польской. Кроме того, вполне обычным является смешение с южнославянским большинством (украинско-сербские, украинско-мусульманские, словенско-сербские, словенско-хорватские семьи).

⁶ Согласно данным переписи Республики Сербской в 2013 г. украинский язык назвали родным (*maternji jezik*) 987, чешский язык – 56, польский – 51, словенский 238 респондентов (Врањеш и др. 2017: 64–65). Однако сколько реально носителей языков национальных меньшинств, принадлежащих к традиционным общинам, а не являющихся позднейшими переселенцами (в особенности это касается словенской общности), сказать трудно. По нашим наблюдениям, наибольшая витальность обнаружилась у украинского языка, на котором до сих пор говорит молодежь и дети в некоторых семьях.

представлены все три группы славянских языков: украинский язык из восточнославянских, польский и чешский – из западнославянских, словенский – из южнославянских.⁷

Лингвистическая и отчасти социолингвистическая проблематика на материале украинского языка, функционирующего в Боснии и Герцеговине, исследовалась в разных аспектах в работах Т. Я. Токар (1972, 1991, 2004), Д. Василиевич (VASILJEVIĆ 2017), Г. П. Пилипенко (2016, 2019, 2020); Д. Дрляча (DRLJAČA 1985) посвятил свое исследование польской диаспоре. Следует отметить также работу об истории словенского национального меньшинства (PAREŽ ADAMIČ 2009), откуда можно почерпнуть сведения в том числе о языковой ситуации в общине. Чешский язык и влияние на него других контактных языков региона исследовались в работах С. Попович (POROVIĆ 1968; Поповић 1974). В новейших исследованиях затрагивается историко-антропологический и социологический аспект в изучении чешской диаспоры (KOKAISL a kol. 2009; УНЕРЕК 2011). Однако контактологическая проблематика, вопросы взаимодействия как языковых систем, так и культурных традиций, на примере миноритарных славянских языков в Боснии и Герцеговине до сих пор не получили должного освещения.

Статья состоит из девяти пунктов – от 0. до 8. В 0. изложены основные сведения о полевой работе среди изучаемых общин, дана краткая информация об истории изучения их языка, приводятся теоретические сведения о метаязыковых высказываниях и переключении кодов. В пунктах с 1. по 7. авторы анализируют высказывания информантов, классифицируют их по группам. В 8. делаются выводы.

0.1. Исследование дискурсивных практик с особым вниманием на метаязыковых комментариях в многоязычных миноритарных общинах актуализируется в последнее время. Здесь стоит упомянуть работы о многоязычии цыган в сербском Банате (Сикимитъ 2012), о сербском языке в Словении (PETROVIĆ 2008), о языке сербов, проживающих в Венгрии (ПЛИĆ 2014), об албанском языке в Черногории (МОРОЗОВА 2017), русском языке в Эстонии (VERŠNIK 2017), о языке русских староверов в Польше (GŁUSZKOWSKI 2015), немцев в Сибири (АЛЕКСАНДРОВ 2015), венгров в Закарпатье (MÁRKU 2008), венгров в румынском Банате (LAINONEN 2008),

⁷ Исследователи при проведении полевой работы в изучаемых общинах являются наблюдателями «извне». На это обстоятельство обращают внимание информанты, думается, что это отчасти влияет на их дискурсивные практики. Так, родными языками для Г. П. являются русский и украинский (однако – не поднестровский диалект, родной для большинства собеседников), для С. Б. – русский. Знание польского, словенского (для Г. П.), чешского (для С. Б.) и сербского (для Г. П. и С. Б.) стандартных языков было приобретено в результате целенаправленного изучения в высшей школе. При общении с информантами исследователи старались подстраивать свою речь (там, где это было необходимо) под соответствующий диалект славянского языка.

старообрядцев в Латвии (Пилипенко 2017, 2017а), а также о дискурсивных практиках в среде славянских мигрантов в странах Южной Америки (Пилипенко 2018). На явление метапрагматической осведомленности, что идентично металингвистическому измерению языка, обращает внимание Дж. Фершуерен: «использование языка, как и другие формы социального поведения, интерпретируются акторами-участниками» (2001: 99). Он указывает, что металингвистические феномены делятся на эксплицитные и имплицитные (Там же: 90), и говорит об «индикаторах метапрагматической осведомленности» (Там же: 95). Проблема выбора языка, перехода с одного языка на другой, конкуренция языковых вариантов, обусловленная интерференционными процессами, вербальные и невербальные сигналы, свидетельствующие о затруднении при порождении высказывания (хезитации, оговорки, фальстарты) и/либо сообщающие информацию об идентичности говорящего и всего изучаемого сообщества, – все это находится в центре внимания при анализе устной речи информантов и является проявлением метапрагматической особенности говорящих. В применении к монолингвальной ситуации считается, что в обычной коммуникации модусные смыслы не выражаются, их реализация является реакцией на коммуникативное напряжение, в этом случае метаязыковые комментарии могут снять это напряжение (ЦЕСАРСКАЯ, ШЕСТОПАЛОВА 2017: 65). Т. М. Николаева полагает, что «анализ метакомпонентов неотделим от общих методов анализа структуры текста в целом, когда текст рассматривается как замкнутая дешифрируемая нами система» (2012: 220).

Что касается славянских национальных меньшинств Боснии и Герцеговины, то в их речи ввиду постоянного контакта близкородственных славянских языков наблюдается переключение кодов, которое происходит в том числе как в самих метаязыковых комментариях, так и является объектом метаязыкового осмысления. Переключение кода понимается как чередование языковых фрагментов двух языков или языковых вариантов (ROPLACK 1980; MYERS-SCOTTON 1993). Считается, что переключение кода является характеристикой говорящего, у которого ограничена языковая компетенция и который неспособен использовать язык в разных контекстах (THOMAS 1982: 218), а у самого этого явления существует своя грамматика (LÜDI 2004: 341). Зачастую при переключении кода происходит акцентуация высказывания: «То, чего монолингвы добиваются, повторяя громче и/или медленнее, или изменяя порядок слов, билингвы добиваются при помощи переключения кода» (ZENTELLA 1997: 293). П. Ауэр утверждает, что кодовое переключение предполагает свободу говорящего и является средством контекстуализации, которое может быть творчески использовано участниками коммуникативной ситуации (AUER 1999: 329). Переключение кода осмысливается в рамках теории коммуни-

кации и идентичности (ср. маркированное/немаркированное переключение кода (MYERS-SCOTTON 1993: 484); немотивированное переключение кода (Головко 2001: 301)), а также с точки зрения лингвистических процессов, происходящих внутри предложения и на границах между предложениями⁸ (напр., матричный язык (matrix language) и включенный язык (embedded language) (MYERS-SCOTTON 1993); включение (insertion), альтернатива (alternation) и конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization) (MUYSKEN 2000: 3)).

0.2. Высказывания о языке не так часто встречаются в интервью. В шести полностью расшифрованных интервью, проводившихся с собеседниками на украинском, польском и словенском языках и представленных здесь в качестве примера, был подсчитан процент метаязыковых высказываний, инициированных самим информантом, другими собеседниками или исследователем (см. таблица 1). В подсчеты включены все проявления эксплицитной метаязыковой рефлексии. Большинство из них относится не столько к комментированию «проблемных» лексем и выражений, сколько описывает использование языков в общине и конкретным собеседником. При подсчетах случаи переключения кода не учитываются (за исключением случаев, когда об этом сигнализирует сам говорящий). Приводимые цифры достаточно условные, но все же они дают представление о частотности языковой тематики в нарративах информантов (что отчасти можно отнести к целям проводимого интервью и объяснить формулировкой некоторых вопросов),⁹ тем более что полученные данные относительно стабильны. Диапазон значений составляет от 5,98% до 10,28%, средний показатель равен 7,23%. Случаев же метаязыкового комментирования по ходу нарратива, не связанных непосредственно с темой о языке и его использованием в общине, еще меньше.

Таблица 1.

Населенный пункт и год записи	Язык интервью	Количество участников (помимо исследователя)	Количество слов	Количество слов в метаязыковых высказываниях	Процентное отношение слов, входящих в метаязыковые высказывания, к общему числу слов

⁸ В этой связи чрезвычайно важными оказываются мысли Ю. М. Лотмана об актуализации границ текста, участков различной кодированности: «Актуальность границ подчеркивается именно их подвижностью, тем, что при смене установок на тот или иной код меняется и структура границ» (2002: 71).

⁹ С другой стороны, трудно себе представить интервью, полностью состоящее из высказываний подобного рода, если, конечно, речь не идет исключительно о заполнении лингвистических анкет. Но в таком случае назвать такую беседу интервью, главной целью которого является получение нарратива, вряд ли уже будет возможным.

Просьек (2018)	украинский	3	14381	884	6,15%
Трнополе (2019)	украинский	3	6534	672	10,28%
Баня-Лука (2017)	словенский	1	5151	308	5,98%
Мало-Блашко (2017)	словенский	1	5733	363	6,33%
Челиновац (2019)	польский	1	5958	424	7,12%
Яблан (2016)	украинский	3	14517	1129	7,77%

Большинство метаязыковых комментариев в нашем корпусе как правило возникает в определенных точках, рядом с лексемами и выражениями, заимствованными из языка доминантного окружения, и является отражением межъязыковых контактов, идентичности говорящих и языковых конфликтов в их сознании, однако встречаются и комментарии при неконтактных высказываниях. Из собранного корпуса устных текстов были отобраны наиболее репрезентативные примеры дискурсивных практик, в которых реализуется метапрагматическое сознание информантов. При классификации учитывались формально-семантические показатели: использование формульных структур с метаязыковой семантикой в комментариях. Разработка классификации стала возможной благодаря анализу большого количества данных из диалектных текстов, которые были транскрибированы авторами.

1. Информант обращается за помощью к присутствующим в момент интервью. В ситуации, когда в разговоре участвуют несколько лиц, это может быть обращение к наиболее компетентным, по мнению информанта, носителям языка, а также к исследователю, который ведет разговор на одном языке и незнаком членам общины. Лексемы и словосочетания, на которых останавливается внимание двуязычного говорящего, могут быть как заимствованными из языка южнославянских соседей и сохраняющими свой иносистемный характер в принимающем идиоме (напр. в 1.6. проблема возникла при подборе эквивалента контактному слову *zanat*; это, по всей видимости, связано с тем, что образование, тем более профессиональное, можно получить только на сербском языке), так и междиалектными синонимами, которые известны информантам вследствие нередкого для носителей островных говоров гетерогенного диалектного состава и невладения литературной нормой (напр., в 1.2).¹⁰

¹⁰ Ср. напр. высказывания поляков из села Челиновац, где проживают потомки выходцев из Буковины и из Галиции: 'jedne ma'zury, 'jedne buko'v'incy, 'jedne tak, i 'potym to zm'in''šaly te jin'zyk'i že to tak 'pšyšlo (одни мазуры, одни буковинцы, одни так,

Поскольку в контакте находятся близкородственные славянские языки, хотя и представляющие разные группы, в центре внимания метаязыкового осмысления информанта зачастую оказываются лексемы, которые происходят от одного праславянского корня, но с соответствующими рефлексам праславянских звуков в контактирующих идиомах (напр., в 1.1. *svekar* (серб.) и *свекор* (укр.); в 1.6. *unuk* (серб.) и *vnuk* (чеш.)).

Обращаясь за помощью к наиболее авторитетным носителям, информант может предлагать варианты решения или ответ, который нуждается, таким образом, лишь в одобрении со стороны собеседников. Сам характер такого обращения – это почти всегда вопрос, содержащий в себе глагол говорения (либо в безличной форме (как в 1.3, 1.5, 1.6, 1.7), либо в форме сослагательного наклонения (в 1.1)). При отсутствии глагола говорения и эксплицитной формулировки обращения используется вопросительная интонация (1.4). Подобные фразы подчеркивают лингвистическую идентичность говорящего и всего изучаемого сообщества, для которого будет характерен именно данный набор контактных языков и их взаимодействие. Эти маркеры получают название «маркеры апелляции к слушающему» (ЦЕСАРСКАЯ, ШЕСТОПАЛОВА 2017: 72–73). Нередко в таких случаях происходит переключение кода, когда сам метаязыковой комментарий – обращение к присутствующим за помощью – вводится в нарратив на другом языке. В примере 1.3. типичная для подобной стратегии формула вопроса вводится на сербском языке после идентичной польской фразы комментария, за которой следует толкование проблемной лексики на сербском языке. В 1.8. собеседница пытается вспомнить название месяца, когда отмечается праздник св. Николая и обращается за помощью к мужу-украинцу (уже по-сербски: «*Kako se zove...?*»¹¹).

Находясь в данной ситуации, исследователи руководствуются принципом наименьшего вмешательства в коммуникацию. По возможности, просьбу информанта о подсказке лучше оставить без поддержки, что проще сделать, когда в разговоре участвует более трех лиц (тогда

и потом смешали эти языки, и то так пошло) (см. также ДРЪАЧА 1985: 181); носители украинских говоров также ощущают разницу в лексике в речи жителей других деревень, потомков выходцев из Галиции: на Ду'vjatyn'i buw ta'ril', a tu po'lumy'sok. То 'taki tyj'vo šo my s'a r'iz'nyto (в Деветине был *ta'ril'* (тарелка), а здесь [в Трнополе] – *po'lumy'sok*. И так что мы отличаемся) (о присутствии носителей разных диалектов, поднестровского и южно-волынского, среди переселенцев см. (ТОКАР 2004: 731)); показателен и пример собеседницы родом из села Залужани, расположенного вблизи Бая-Луки, которая так описывает свой лингвистический опыт при столкновении с носителем другого диалекта словенского языка: ja 'govorim pri'morski <...> kad sam 'išla na 'zanat 'oni go'vorili 'ono 'više 'kranjski znaš, 'različito (я говорю по-приморски <...> когда я ходила учиться ремеслу, они говорили больше по-крайски, знаешь, по-другому).

¹¹ В подобных случаях мы сталкиваемся с таким явлением, как прагматически доминантный язык (МАТРАС 1998: 281).

информанты коммуницируют между собой и их реакции обусловлены их отношениями). Если же происходит интервью один на один с собеседником, то зачастую подобную просьбу оставлять без реакции будет неэтично, особенно если информант проявляет настойчивость. Иногда внешнее по форме обращение за помощью может и не предполагать реального ожидания такой поддержки и является просто маркированием иносистемного характера лексемы, констатацией незнания эквивалента на актуальном в данный момент языке и оправданием незнания (напр., 1.5).

Учитывая возраст большинства информантов, можно было бы прийти к заключению, что речь идет не всегда о метаязыковом маркере, а зачастую о простом припоминании слов/выражений, тем более если собеседник устал или не пользуется данной лексикой часто. Однако сам факт, что эти маркеры возникают в большинстве своем на границах столкновения контактных элементов (как внутриязыковых (принадлежащих разных диалектам), так и внешнеязыковых), наличие этих конструкций в речи молодых информантов, а также их типологическая распространенность в других билингвальных ситуациях, позволяет нам отнести их с высокой вероятностью к случаям проявления метаязыкового сознания (иными словами, действие этих факторов не отменяет метаязыковой характер подобных высказываний). Ср., напр., стратегию обращения за помощью в других языковых ситуациях: *akkor nehezen lehetett megtalálni, megkapni aa. (.) a aprobare hogy mondják* (тогда трудно можно было найти, получить, а-а, *aprobare*¹² как говорят?) (венгры в румынском Банате) (LAIHONEN 2008: 686); *kako kažete s vonatom, kako kažete* (как вы говорите s vonatom,¹³ как говорите?) (сербы в Венгрии) (ILIĆ 2014: 188).

1.1.	укр.	<p>О. – А м'їй čolo'v'ik v'in buw na ws''im xut'k'yj, jak ro'bytu 'xutko 'xutko! Jak 'jisty 'xutko 'xutko, a'le mij 'svekar, e, sve- jag bym ka'zala 'svekar?</p> <p>Р. – Da-da, sve-, sve-.¹⁴</p>	<p>О. – А мой муж он был для всего быстрый. Как работать – быстро-быстро! Как есть – быстро-быстро! Но мой свёкор, как бы я сказала свёкор?</p> <p>П. – Да-да, све[кор]-све[кор] (Трнополе, 2019).</p>
------	------	--	--

¹² *aprobare* – рум. разрешение.

¹³ *vonat* – венг. поезд.

¹⁴ В примерах на языках национальных меньшинств использована фонетическая транскрипция на основе латиницы (для каждого из языков – со специфическим набором знаков и написанием). Неадаптированные элементы на сербском/хорватском языках приводятся в стандартной орфографии с обозначением места ударения. После перевода на русский язык приводится также место и год записи. В диалогах при помощи инициалов указывается принадлежность реплики (И./Л. – исследователь).

1.2.	польск.	U n'ix n'e 'było, p'i'rog'i n'e goto'valy, e-e, 'dužo je'zen'a co, kar'tofle, kar'tofle, 'uny n'e v'e'ž'aly co so kar'tofle, n'e, ž'em'n'ok'i, a jak š'e 'muv'i ž'em'n'ok'i cy kar'tofle? jak je, pra'v'iž'n'e? bara'bol'a? ž'em'n'ok'i?	У них не было, вареники не готовили. Много еды. Картофель, картофель они не знали, что такое картофель, а как говорят, <i>ž'em'n'ok'i</i> (картофель) или <i>kartofle</i> (картофель)? Как правильно? <i>barabol'a?</i> (картофель) <i>ž'em'n'ok'i?</i> (Челиновац, 2018).
1.3.	польск.	My š'e 'samo 'poš'l'i, u'radno, op'ćinsko, e, š'- up'i'sal'i, i f koš'č'el'e my š'e š'l'u'b'il'i, 'samo co 'byly, no, kum, e, kum, jak š'e to 'muv'i po 'pol'sk'i, kum, kad se 'neko 'vjenčava u 'crkvi, 'kako se 'kaže po 'poljski kum?	Мы только пошли официально, в ЗАГС расписались, а в церкви мы венчались, только что были, ну, кум, как сказать по-польски кум? Когда кто-то венчается в церкви, как сказать по-польски кум? (Челиновац, 2018).
1.4.	словен.	V. – Za ka'toličkog 'nismo ni'koli, devet'najsti de'cembor, 'Sveti 'Nikola, Mik'lawš je 'Sveti 'Nikola, ja? M. – Ja.	V. – На католический у нас не было никогда. Девятнадцатого декабря, Святой Николай, <i>Miklavž</i> это Святой Николай, да? M. – Да (Баня-Лука, 2017).
1.5.	словен.	'Naši ne, 'neso i'meli 'tega 'običaja, tix, 'kako se 'reče 'običaj, tix po'ganskix, al kaj.	У наших не было этого обычая, как сказать обычай, этих языческих (Баня-Лука, 2017).
1.6.	чеш.	I. – Misli- pšinde unuk muj, unuk, jak se to řika? V. – Vnuk, jo.	И. – Я имею в виду, придет <i>unuk</i> мой, <i>unuk</i> , как это сказать? V. – Внук, да (Нова-Вес, 2019).
1.7.	чеш.	A tet' ne bilo n'igdo na... jak se řekne zanat po česki? ²	А сейчас никого не было на... как сказать <i>zanat</i> (ремесло, рабочая специальность) по-чешски? (Нова-Вес, 2019).
1.8.	чеш.	Svatej Nikola je šestoho, e šestoha... e-e... joj bože... 'kako se 'zove, (имя), je'danajsti mjese- e d'vanajsti 'mjeseec, d'vanajsti 'mjeseec. Šestoga je Svatej Nikola, katoličkej.	Святой Николай шестого, шестого... э-э... ой, боже... Как он называется, (имя), одиннадцатый месяц, э-э двенадцатый месяц. Шестого [декабря] Святой Николай, католический (Лужани, 2019).

2. В процессе порождения высказывания носители островных славянских говоров, проживающие в Боснии и Герцеговине, указывают на этническую, конфессиональную или территориальную принадлежность слова или выражения. Подобный комментарий может являться внутри-

¹⁵ Ударение в речи боснийских чехов располагается на первом слоге в соответствии с собственно чешскими и моравскими диалектами, а также переносится на предлог (ср. Rorović 1968: 68). Сокращение долгот в рассматриваемых примерах в сравнении с литературным чешским произношением может быть связано как с особенностями собственно чешских и моравских диалектов, так и с влиянием местного варианта сербского языка (Ibid.: 37–42). В приведенных в данной статье чешских примерах ударение обозначается только в тех случаях, когда оно расположено не на первом слоге.

языковым (пример 2.7), тогда используется этническая соотнесенность со «своей» языковой традицией: таким образом собеседник сообщает о том, что он еще помнит язык, подчеркивает свою идентичность. Из анализа материала следует, что большинство лексических единиц из языка южнославянских соседей, как адаптированных, так и неадаптированных, остаются вообще без какого-либо комментария. Данная стратегия активируется в случае рассказа о специфических локальных элементах материальной или духовной культуры, внимания исследователей к этим темам. Тем не менее, проявляется она и при словах из других тематических групп, которые носитель изучаемого идиома расценивает как неизвестные для исследователя. Само высказывание представляет собой формулу: глагол называть(ся)/говорить в прошедшем или настоящем времени изъявительного наклонения, а также в сослагательном наклонении, наречие, содержащее в себе этнический, конфессиональный или локально-территориальный компонент, существительное – этноним/конфессионализм/локально-территориальные прозвище – либо соответствующее прилагательное или местоимение.

Каждое из рассматриваемых высказываний свидетельствует не только о языковом опыте говорящего и его лингвистической биографии, но также об этно-конфессиональном составе местности, где он проживает. Так, пример 2.6. интересен тем, что информант называет сначала белый гриб по-словенски, и после небольшой хезитации приводит уже сербское название. Предваряет появление словенской лексемы конфессиональный ярлык – так говорят православные – поэтому очевидно, что произошла оговорка: православные соседи в общине Градишка не используют словенский язык. Появление же словенского языка в нарративе собеседника обусловлено экономической миграцией жителей села Челиновац: большинство жителей еще со времен социалистической Югославии работает в словенском городе Есенице, который стал таким образом вторым центром проживания поляков из общины Градишка, а в родное село приезжает летом и на праздники. В 2.10. речь идет о празднике Сретения Господня (02.02/15.02), который на этой территории у католиков (информантка говорит «у нас») называется *Sviječnica* (т.к. в этот день благословляют свечи), а у украинцев – *S(t)riten'e*. Обсуждение украинского названия праздника связано с участием в беседе мужа информантки, этнического украинца – что отражает сложность этноязыкового ландшафта региона, в котором живут местные чехи.

Высказывание 2.1. содержит упоминание о боснийском языке, что обусловлено окружением, в котором проживают украинцы в селе Трнополе: их соседями являются боснийцы-мусульмане. Упоминание прилагательных «мусульманский»/«боснийский» в примере 2.8. связано с элементами соответствующей культурной традиции (*sofra* – заимствование

из турецкого языка). Прилагательное *bosanski* в примере 2.2. невозможно трактовать однозначно, относится ли оно к языку, либо образовано от названия страны, в последнем случае его можно было бы считать территориальным обозначением. Неоднозначное толкование и в 2.11, в этом примере речь идет о приготовлении пасхи из творога и приводятся сербская лексема *sir* и чешская *tvaroh*, при этом комментарий информантки «*žikaji f česki*» можно интерпретировать двумя способами: как указание на то, что так говорят в Чехии (*v Česku*), либо «по-чешски», то есть у них.

В некоторых ситуациях вместе со «своей» лексемой используется лексема из языка южнославянского окружения (напр., 2.1, 2.3, 2.5), что отдаленно соотносится со стратегией дублирования (см. раздел 4). Показательно, что метаязыковому осмыслению в примерах 2.3. и 2.5. у украинцев и поляков подвергаются одни и те же лексемы (*sarma*). О сложном этно-конфессиональном составе региона, где проживают информанты и их южнославянские соседи, свидетельствует пример 2.5, в котором лексема *sarma* характеризуется как принадлежащая и хорватскому языку, и языковой норме православных жителей края.

Подобные практики характерны и для других языковых ситуаций, в том числе – для случаев письменной коммуникации в Интернете: ну где уж нам, да и люди мы...как это эстонцы говорят ...*mugavad*¹⁶ (русские в Эстонии) (VERSCHİK 2017: 13); *ja sam juče imao dva ... [пауза] dva, dva, dva študenta iz Maribora, to oni zovu skauti* (сербь в словенской Белой Краине) (у меня вчера было два ... [пауза] два, два, два студента из Марибора, это они (словенцы) называют скауты) (PETROVIĆ 2008: 146).

2.1.	укр.	I tu'dy 'fajna jak vyt'a'ŷajete. I to s''a nazy'vala po boš'n'acky 'pura, a po 'našomu ly'm'iška.	И тогда так вытаскиваете. И это называлась по-бошнячки <i>pura</i> , а по-нашему <i>lym'iška</i> (мамалыга, кукурузная каша) (Трнополе, 2019).
2.2.	укр.	Bo my° to bu'lye try dn'i 'tyl'ky <...> i to 'bulo fs'o, e, 'poslovno, to by ka'zaly na-na 'bosanski.	Потому что мы были только три дня <...> и это все было по работе, как сказали бы по-боснийски (Трнополе, 2019).
2.3.	укр.	'ŷolupc'i 'to s'i 'kaže po ukra'jinskomu, 'sarma to vže u nas 'tutka 'kažut, ser'by°, 'sarma.	Голубцы это говорят по-украински, <i>sarma</i> – это уже у нас тут говорят сербы, <i>sarma</i> (Прнявор, 2016).
2.4.	укр.	A je jid'n'i šo to, 'namirno. Ja ix nazy'vaju o'pajdary°. To po 'serpski vo'pajdar'e. 'Tiji ba'by šo wr'i'kajut.	А есть одни, что делают специально. Я их называю сплетницы. Это по-сербски сплетницы. Те бабы, которые могут сплести (Просьек, 2018).

¹⁶ Эст. удобный, подходящий (мн.ч.).

2.5.	польск.	'Sarma to 'muv'ju, 'sarma, po xer'vack'i pravos'lavn'i, je 'sarma, a u nas mu'v'il'i go'lumpk'i.	Сарма так говорят, сарма, по-хорватски, православные, <i>сарма</i> , а у нас говорили голубцы (Челиновац, 2018).
2.6.	польск.	'Gżyby, to te pravos'lavce nazy'vaju 'jurčki, e, vr'ganji, vr'ganji, to je gżyp, 'n'imam ja tu s'like 'aby to, 'tak'i 'fajnyj je, e, 'noge ma 'take 'fajne, 'čopke, tyś 'take 'fajne, i to je gżyp.	Грибы, это православные их называют <i>jurčki</i> , э, <i>vrganji</i> (белый гриб). <i>Vrganji</i> . это гриб, у меня тут нет фотографии, чтобы это, такой хороший, у него такая ножка красивая, шляпки тоже красивые. И это гриб (Челиновац, 2019).
2.7.	словен.	To že 'prejšən dan je blo, sa bi'li spe'čeni, 'misim, 'kuxa-ni jaj- pi- 'pirxi, to se po slo'vensk se djal 'pirxi!	Это было уже за день до этого, были испеченные, то есть, отваренные яиц- <i>pirxi</i> (крашеные яйца), это по-словенски говорили <i>pirxi!</i> (Мало-Блашко, 2017).
2.8.	словен.	A 'tükaj je blo tok'rat, e, 'tako ste 'majxne ' mize, tu se k'licalo 'sofre, tü je bo'sanski 'način in bol' musli'manski 'menda da je, sofre.	А здесь тогда было, э, такие маленькие столы, здесь называли <i>sofre</i> , тут по-боснийски, и больше по-мусульмански, вероятно, <i>sofre</i> (Баня-Лука, 2017).
2.9.	укр.	Ja ne ka'zala, wže sto soro-sto čö'tyry 'roky, to šö vo'ny nazy'vajut 'vašar, to šö my i'demo, de je ws'o'yo, to wže sto čö'tyry 'roky, jak v'idbu'vaje s'a u Pr'n'avor'i.	Я не говорила, уже сто сорок лет, сто четыре года то, что они называют <i>vašar</i> (ярмарка), куда идем сейчас, где все есть, это уже сто четыре года, как проходит в Пرنяворе (Прнявор, 2016).
2.10.	чеш.	S. – A to na jakej svatek se posvicelo? Z. – Ma svi'ječn'ica se u nas to menuje, svi'ječn'ica, to se svički nosijou. Sre'tenije u-u sreten-. M. – Srit'en'e. Z. – Srit'en'e u-u ukrajinski. S. – Jo, rozumim. Z. – A ja ne znam m- či neumim t'i žeknut česki bo... bo neumim.	S. – А на какой праздник освещали? З. – Ну, <i>sviječnica</i> у нас это называется, <i>sviječnica</i> , тогда свечки носят. Сретение. М. – <i>Sriten'e</i> (укр.). З. – <i>Sriten'e</i> по-украински. С. – Да, я понял. З. – Не знаю, не умею тебе по-чешски сказать, потому что... потому что не умею (Лужани, 2019).
2.11.	чеш.	... i to sir, tvaroh žikaji f česki jo, česi pa da.	И <i>sir</i> (серб. сыр, творог), <i>tvaroh</i> (чеш. творог) говорят по-чешски, чехи, да (Мачино-Брдо, 2014).

3. Информанты говорят о незнании конкретного слова или выражения на языке национального меньшинства. В этом случае метаязыковой комментарий обычно состоит из глагола «знать» с отрицанием или глагола «забыть» в прошедшем времени, а также из указания на идиом, в котором возникли затруднения, и следует за проблемной лексемой

или выражением на языке этнического большинства. Похожее поведение описывает также А. Вершик на примере русского языка в Эстонии в сфере интернет-коммуникации: «достоверно “lavastada”¹⁷ (абсолютно вылетело из головы, как это сказать по-русски) ограбление, кстати, очень и очень сложно)» (VERSCHIK 2017: 13–14).

Часть метаязыкового высказывания в примерах из нашего корпуса включает в себя элементы на языке южнославянских соседей информантов (3.6). Констатация незнания может породить более развернутый метаязыковой комментарий, в котором объясняются причины недостаточного, по мнению собеседников, владения языком меньшинства (напр., 3.3, 3.5) и стать отдельной темой разговора, особенно, если в интервью участвует группа информантов (в 3.11. собеседница, не сумев вспомнить название оборудования, которое было изображено на фотографии, «оправдывается» перед присутствующими и связывает невозможность вспомнить слово с тем, что она давно не пользуются чешским языком). Проблемное слово или выражение не обязательно является региональным, среди них встречаются термины традиционной духовной и материальной культуры (примеры 3.7, 3.8, 3.9), большинство из них относятся к общелитературным словам (в 3.10. речь идет о пароме, на котором переправляли еще до распада Югославии через реку Саву пассажиров и автомобили (*kompа* или *skela*)) и имеют эквиваленты в языке собеседников, однако могут и не относиться к часто используемым. За редким исключением искомое слово/выражение бывает найдено. Так, в примере (3.6) собеседница приводит польский аналог вызвавшей у нее затруднения сербской фразы. Таким образом информант сигнализирует о проблемах в коммуникации, оправдывается перед исследователем и другими собеседниками за неполную языковую компетенцию, осознает смешанный характер порождаемых высказываний и сильное влияние доминантного языка балканских соседей на лексическом уровне.

3.1.	укр.	I'de do kot'la, to ko'tel! 'Šipke zby'raje za čaj. 'Tiji 'šypke, ne 'znaju jak s'i 'kaže to po ukra'jinski	Идет в котёл, это котел! Шиповник собирает для чая. Этот шиповник, я не знаю, как сказать это по-украински (Просьек, 2018).
3.2.	укр.	To na I'vana. To 'semoγo, 'semoγo-o, e 'semoγo 'semoγo. To ja ne 'znaju na ukra'jinskomu jak s'i 'kaže na 'julij, to, a'le, a'le 'semij 'semij, to na I'vana.	Это на Ивана, это седьмого седьмого, седьмого числа седьмого месяца. Я не знаю, как сказать июль, но, седьмое число седьмого месяца, это на Ивана (Просьек, 2018).

¹⁷ Эст. инсценировать.

3.3.	укр.	Vše i my pozabu'valy, ja sta'ra ta j za'bula-m vže ukra'jins'ke, to ja tu žy'ju 'mežy tak'vo, i n'iy'de i ne jdu.	Уже и мы позабывали, я стара и уже забыла украинское [слово], я здесь живу среди так, и никуда не хожу (Просьек, 2018).
3.4.	укр.	Tu'vo ja ne 'znaju po ukra'jinski jak a tu'vo 'kažut ser'by 'jarčevi	Я не знаю, как по-украински, а здесь сербы говорят <i>jarčevi</i> (гриб-зонтик, лат. <i>macrolepiota procera</i>) (Просьек, 2018).
3.5.	укр.	Tu'vo po 'serpski 'kažut 'ma-čice a ja ne 'znaju jak s'i po ukra'jinski 'kaže. Mye 'dosta 'vy'e'pusty'lye tu ukra'jins'kyx 'bes'it.	Здесь по-сербски говорят <i>mačice</i> (мохнатые почки на вербе), а я не знаю, как по-украински говорят. Мы много потеряли украинских слов (Просьек, 2018).
3.6.	польск.	To je u po'l'okuf, e, my to n'e mu'v'imy s'lava, 'nego my to mu'v'imy, š'f'in'tygo M'i'xala, i my, tyn' ž'in', e, 'posvećeno 'svetom Miho'vilu, 'kako bi 'rekla, 'n'e v'em na 'pol'sk'i po'v'ež'ič', 'ale, bo to je 'koš'č'uł, koš'č'uł, e, poš'f'i-e poš'v'in'cuny š'v'in'temu M'i'xa'lov'i, i to.	Это у поляков, мы не говорим <i>slava</i> , мы это называем день святого Михаила, неделя, посвящено святому Михаилу, как бы я сказала? Я не знаю, как по-польски сказать, так как тут есть костёл, костёл, посвященный святому Михаилу (Челиновац, 2018).
3.7.	польск.	Ja, 'cvjetna 'nedelja, jak, za'pomn'ał žem jak š'e, jak š'e po 'polsk'i na'zyva.	Да, вербная неделя, я забыл, как она называется по-польски (Челиновац, 2019).
3.8.	словен.	'Tale, petind'vajzra 'marca ke je-e, 'tale, kar se že prav-poza'bila sām, tle 'pravija, B'lagovijest [смех], po'zabila sām že kok po slo'vensk, 'tukaj pravos'lawni 'iməjə 'siedmeja ap'rila, to je pa petind'vajzra 'marca je-e ka'toliškə, tisto-o.	25 марта, это, как сказать, я забыла, здесь говорят <i>Blagovijest</i> [смех], я забыла, как по-словенски. Здесь православные отмечают 7 апреля, а 25 марта – католики (Мало-Блашко, 2017).
3.9.	словен.	'Tamo je 'tamo u dru'žinskem g'robl'u, e, ko je, 'tukaj 'ispračaj ne vem, ta p'rava slo'venska be'seda, to smo 'delali.	Там на семейном кладбище, здесь это <i>ispračaj</i> (провода), не знаю, какое настоящее словенское слово, мы это делали (Баня-Лука, 2017).
3.10.	чеш.	V. – A pak bilo... par roku pšet tajtou valkou... jak se to žekne... na to na- (неразборчиво) pjet šest aut... mohlo i deset. Sl. – Komp-, 'kompa sme to menuvali. V. – Nevim jak se to na českim žekne. Sl. – Nevim an'i ja. V. – Tadi to žikali 'kompa nebo s'kela.	V. – А потом было... за пару лет до этой войны... как это сказать... на него [помещалось] пять-шесть машин, могло и десять. Сл. – <i>Komp-, kompa</i> (паром) мы это называли. V. – Не знаю, как это называется по-чешски. Сл. – Я тоже не знаю. V. – Здесь это называли <i>kompa</i> или <i>skela</i> (паром) (Нова-Вес, 2019).

3.11.	чеш.	S. – A ten přístroj? Z. – P- pilka. M. – Ne, ne ali čekej, tu što-o kopa. Z. – Ja ja, to se z'valo... [смех] 'Kako se to z'valo? M. – E-ej moraš česki reč'i. Z. – Ma jo-oj kad ja čtiricet roku slabo mluvim česki, samo ukrajinski, srpski e srpskohrvatski.	С. – А этот аппарат? З. – Пила. М. – Нет, нет, подожди, тот, который копает. З. – Да, да, это называлось... [смех] Как это называлось? М. – Эй, ты должна на чешском сказать. З. – Ой, да я ведь сорок лет мало го- ворю на чешском, только на украин- ском, на сербском, сербохорватском (Лужани, 2019).
-------	------	---	--

4. Дублетные формы можно назвать также стратегией перевода (ср. (WASSERSCHIEDT 2015: 169): информант дважды повторяет слово/выражение. На стратегию дублирования в языке боснийских украинцев обратила внимание еще Т. Я. Токар (1991: 145).

Элементы нарратива на языке национального меньшинства, являющиеся частью данной стратегии, располагаются как слева, так и справа от элементов на языке этнического большинства.¹⁸ Правую позицию можно объяснить желанием произвести автокоррекцию, последовательно строить нарратив из элементов одного кода, ведь беседа с исследователем ведется на одном языке. Говорящие осознают принадлежность произнесенного высказывания иному коду и стараются это исправить. Левая позиция также часто встречается в нашем корпусе. Ее появление может быть обусловлено тем, чтобы по крайней мере часть высказывания была понятна присутствующим, которые не владеют данным языком (если таковые имеются в момент проведения интервью), либо может быть связано с привычками говорящего, напр., с эмфатическим выделением определенного фрагмента речи. К подобным высказываниям могут быть отнесены также те, где один из ее элементов назван не полностью (4.10). Данный пример интересен тем, что собеседница второй раз употребляет лексему *zanat* (ремесло, рабочая специальность) в ходе интервью, первый раз в интервью она оставила ее без коррекционного вмешательства (см. также 1.7, где это слово в чешском языке также вызвало проблемы в коммуникации). Этот факт (наряду со многими другими) свидетельствует о том, что подобному коррекционному вмешательству подвергается лишь небольшая часть заимствований, большая их часть все же остается незатронутыми такими комментариями. У некоторых же информантов данная стратегия отсутствует в принципе. Автокоррекция может быть усилена, как в примерах 4.7, 4.10, когда информант намеренно обращает на этот факт внимание исследователя. Кроме того, не всегда приводятся

¹⁸ Пример 4.8. относится к внутриязыковым дублетам.

идентичные по семантике и по форме выражения, так в 4.2. вместо слова *poljoprivrednik* (земледелец) использовано слово *seljak* (крестьянин) (без чередования в форме им.п. ед.ч.). В 4.9. информант в дублированном словенском высказывании меняет позицию прилагательного и существительного, а в 4.11. чешское высказывание включает в себя больше элементов, чем предыдущее сербское. Пример 4.12. интересен тем, что лексема, которую собеседница выбрала для коррекции, может быть интерпретирована как принадлежащая украинскому языку (ее муж украинец, поэтому она говорит по-украински), о чем свидетельствует место ударения, а также переход *y > e* под ударением, характерный для носителей поднестриевских говоров юго-западного наречия украинского языка.

Дублирование – очень распространенный способ комментирования/акцентирования в многоязычных ситуациях (Ср. GUMPERZ 1982: 78). Встречается оно повсеместно и в других языковых ситуациях, повторяться могут как отдельные лексемы, так и целые предложения: *fakt... se zove... ljubomora, envidia! od strane ljudi* (факт... называется... зависть, *envidia!*¹⁹ со стороны людей) (хорваты в Аргентине) (Пилипенко 2018: 77–78); *Yuu! Mwali nka bangahe* (.) *Vous étiez combien à peu près* (сколько вас примерно?) (контакт языка киньяруанда с французским языком) (GAFARANGA 2012: 507); *Vi zajedno radite? Delate skupaj?* (Вы вместе работаете?) (сербы в словенской Белой Краине) (PETROVIĆ 2008: 147).

4.1.	укр.	Na ze'leni s'v'ata, na 'duhove, ko'ly s'i, v'jažut, to, u'ny s'i tu'dy s'pal'ut, ko'ly x'mara, i ta'ke.	На Троицу (укр.), <i>na duhove</i> (серб.) связывают, это, их тогда сжигают, когда туча и так (Хрва- чани, 2017).
4.2.	польск.	G. – A co ro'b'il'i ro'ž'ice, čym š'e zajmo'val'i? F. – A 'ž'im'e, tak, rol'n'ik'i, to je se'ljaki.	Г. – А что делали родители, чем занимались? Ф. – Землю [обрабатывали], да. Земледельцы (польск.), крестья- нин (серб.) (Челиновац, 2018).
4.3.	польск.	Za s'tary- sta'rego 'času 'bylo 'fajn'e, za s'tara vre'mena su 'bila 'dobra, te 'moram reć.	В старые времена было хорошо (польск.), в старые времена было хорошо (серб.), это я должен ска- зать (Челиновац, 2018).
4.4.	польск.	'Kako ne za'pumn'il? Pa na tri 'kralja 'poslije 'Božića, ja, ššy k'rule, ja, f'tedy š'e š'v'in'č'i 'vode, n'e, f koš'č'e'le.	Как не забыли? На Трех Королей после Рождества (серб./хорв.), да, Три Короля (польск.), тогда освя- щается вода в костёле (Челиновац, 2019).

¹⁹ Исп. зависть.

4.5.	польск.	'Tyš'unc dva'ž'estym dru- p''jontym 'devet- d'vajset 'peto, d'vajstym 'p'untym da.	[Я родился в] тысяча двадцать вто- пятом (польск.), двадцать пятом (серб.), двадцать пятом (польск.), да (Челиновац, 2018).
4.6.	польск.	Ра (имя) był f Ć'eli'nofcu tam 'była 'teta (имя), 'Ć'otka (имя), ja.	И (имя) был в Челиноваце, там была тётя (имя) (серб.), тётя (имя) (польск.), да (Челиновац, 2019).
4.7.	словен.	Ta va'nilijew 'cukər al pa mal 'teya, 'cimeta, kaj 'tazya, pa-a, te, 'suxe 'rozdje, ²⁰ te, ro'zine! To se po slo'vensk, to se, jəs səm sə s'pomnila [смех].	Это ванильный сахар, или не- много этой, корицы, что-то такого, и эти, изюм (досл. сухой виноград (адапт. серб.)), изюм (словен.)! Это по-словенски, я вспомнила [смех] (Мало-Блашко, 2017).
4.8.	словен.	Tam i'ma tut, 'ana ka'toliška poure- ta, pokopa'lišce , al pa b'ritaf , ne vem, kaj jəst vem, a pravos'lawni 'imajə pa ɣlix 'tole ɣor.	Там есть тоже, одно католическое кладбище (словен.), или кладбище (словен.), не знаю, а у православ- ных тут вот наверху (Мало-Блаш- ко, 2017).
4.9.	словен.	Na svi 'svete gre 'tukaj na ' kato- ličko g'roblje , ne, pokopa'lišče kato'liško , e, na ka'terem mi 'nema- mo no'benega, poko'panoga.	На всех святых она идет здесь на католическое кладбище (серб.), кладбище католическое (словен.), на котором у нас никто не похоро- нен (Баня-Лука, 2017).
4.10.	словен.	'Takrat sem šla na za- o'bər- o'bərt jel? O'bərt se 'rieče.	Тогда я ходила учиться ре- (серб.) ремеслу (словен.), Ремесло (словен.), да? Ремесло (словен.) говорят (Баня-Лука, 2017).
4.11.	чеш.	S. – Jo a pak odstrani na jaki den? Z. – A onda-a-a s- e-e... M. – Kad s'kidaš? Z. – Za-a ma za če'trnajest 'dana, za štrnact patnact dn'i.	С. – Да, а потом убирают на какой день? З. – А потом э-э-э... М. – Когда ты убираешь? (серб.) З. – Через, ну, через четырнадцать дней (серб.), через четырнадцать- пятнадцать дней (чеш.) (Лужани, 2019).
4.12.	чеш.	I onda e do'maćicu, h- hospo'den'u, ho- hospo- hospo'den'u pomla: «Vajička sem, blexi ven».	И потом хозяйку (серб.), хозяйку (укр./чеш. ²¹) хлещет: «Яйца сюда, блохи вон» (Лужани, 2019).

5. В данном разделе будут приведены примеры цитирований, содержащие переключение кода. Большинство случаев переключения кода при цитировании в собранном корпусе – это переход с языка национального меньшинства на язык доминантного большинства. Речь идет о воспроизведении собственной речи говорящего или речи третьих лиц, произнесенной

²⁰ Выражение *suho/suvo grožde* (изюм) было употреблено в адаптированной к словенскому языку форме *suho rozdje*.

²¹ Укр. лит. *господиня*, чеш. *hospodyně*.

на языке, отличающемся от языка повествования. По нашим наблюдениям, цитирование на языке оригинального высказывания достаточно широко распространено в повседневном общении помимо ситуации интервью (ср. также примеры в (PETROVIĆ 2008: 152–158)). Цитированные фрагменты при этом могут состоять как из нескольких слов (примеры 5.2, 5.4), так и быть достаточно пространственными (пример 5.1. – история о колдовстве на Юрьев день, встроенная в нарратив на украинском языке, или 5.3. – легенда о происхождении названия села Челиновац в составе интервью на польском языке, 5.5. – песня, которую поют на день рождения/именины) и в большинстве случаев не снабжаются переводом или пояснением (исключение – пример 5.3, в котором часть цитаты по сути входит в состав рассмотренной выше (раздел 4) стратегии – стратегии перевода). Однако переключение кода не всегда выдерживается до конца цитаты, см. пример 5.4. Как правило, оригинальный код цитаты присутствует в начале, за ним следует продолжение уже на языке национального меньшинства. Обращает на себя внимание 5.4, когда слова немецкого врача переданы по-сербски в нарративе на на словенском языке. Можно предположить, что информант хотел показать принадлежность высказывания другому языку, тогда как воспроизвести фразу по-немецки не мог. В 5.3. по сути нет прямой речи, история рассказана как часть косвенной речи, при этом передается не единовременное событие в прошлом, а фольклорный жанр – топонимическая легенда, бытующая среди южных славян в данном регионе. В 5.5. информантка старается перевести для исследователя отдельные фразы из песни с сербского на чешский, что вызывает у нее затруднения: «Нет, не смогу перевести». В конце концов ей это частично удается, причем в процессе перевода возникает гибридная форма «imenden» (ср. серб. *imendan* – «именины» и чеш. *den* – «день»); само слово «именины» в чешском языке образовано по другой модели – *jmeniny*).

Пример 5.1. интересен тем, что вставки и комментарии информанта на украинском языке в большинстве случаев отделены от прямой речи, рассказе о колдовстве, полностью переданном на сербском языке (например, лицо сербского рассказчика в украинских комментариях информанта меняется с первого на третье). Сигнализируют о начале цитированного фрагмента глаголы говорения. Однако при анализе подобных примеров возникает проблема: если нет четкого указания на принадлежность высказывания, что можно считать завершением или началом цитаты? Является ли конкретный фрагмент ее частью или уже принадлежит говорящему, который воспроизводит историю? Особенно эта проблема осложняется в случае контакта близкородственных языков, когда на предполагаемых границах цитат и собственных слов информанта возникают контаминированные фонетические и грамматические формы, как, напр. в 5.1. (ср.

такие формы как: *na 'rec''i; šos's'i 'ćapae*),²² в случае сербско-украинского языкового контакта не всегда очевидна принадлежность самого глагола говорения, напр., в украинском и сербском языка идентичны формы 3 л. ед. ч. наст. вр. от глагола *kazati (kaže)*. Не совсем понятна и принадлежность последних произнесенных слов в том же примере.

5.1.	укр.	<p>Nam ji'den 'pričow, v'in vže po'mer <...> a ja bu'la ta'ka d'iw'čuk, i pšla 'tamkaj, do sk'lepu p'is'laly me'ne šos' 'mama. I v'in 'pričae tam 'l'ud'om, ja, s'luxaju! 'Kaže, a v'in x'lopec še buw, 'kaže, 'ovaj, 'idem ja 'kaže po'noći, 'nešto se 'ćapa 'kaže, na 'rec''i, i'de b'iz m'ist, 'mostyk 'bly's'ko ju'yo 'xaty. Šos' s'i 'ćapae. A ja – po'lako, po'lako! V'in s''i (имя) nazy'vaw. Po'lako, ja 'bliže, 'gola 'žena! 'Kae. U 'vodi 'nešto, a ja po'lako po'lako, pa je 'uvatim 'kae! Kad 'ona v'risne! Jo-oj, 'kaže, jes ti? 'kaže, po 'imenu ji ska'zow, vu'na 'kae, 'jesam! (имя), 'nemoj me 'kaže 'nikome reć 'kaže 'neću 'nikad 'vašim k'ravama 'ništa u'radit. To ja 'čula jag v'in 'pričow, 'znaješ. 'Nikad 'neću 'vašim k'ravama 'ništa u'radit! 'Uoči 'Đurdeva.</p>	<p>Нам один рассказывал, он уже умер ... а я была подростком и пошла туда в магазин. Меня за чем-то послала мама. А он рассказывает там людям, а я слушаю! Говорит, а он еще парень был, говорит: «Иду я», говорит, «ночью, а что-то преследует меня», говорит, на реке, идет через мост, мостик вблизи его дома. Что-то преследует. «А я – потихоньку, потихоньку!» Его (имя) звали. «Потихоньку, я – ближе. Голая женщина!» Говорит. «В воде что-то, а я тихонько-тихонько, и ее схватил», говорит. «Она как закричит!» «Ой!», говорит, «это ты?» называл ее по имени. Она говорит, «да. Это я! (имя), никому», говорит, «не говори», говорит, «я больше вашим коровам никогда ничего не сделаю». Это я слышала, он говорил, знаешь. «Никогда ничего не сделаю вашим коровам. Накануне Юрьева дня» (Просьек, 2018).</p>
5.2.	укр.	<p>A ja na's'iju, bu'de c'i'lyj stil, to i tak poly'vaju i tu'dy, e, i tak sa'dy'la-s''ijala, vu'na 'kaže, 'nemoj 'kaže sad ja éu 'kaže. 'dobre-e! Vu'na te'per peryb'rala, i vu'na to 's'ije.</p>	<p>А я посею, на целый стол, и так поливаю, и так сажала, сеяла, она говорит: «Не надо, говорит, сейчас я буду», говорит. Хорошо! Она теперь взяла это, и она это сеет (Хрвачани, 2018).</p>
5.3.	польск.	<p>To 'jedne tak opov'ja'daju že, 'jak'eš'ič' tak, to 'Syrby opov'e'dały že był 'jeden, 'ć-e-e-elav, pa je 'imo 'puno 'novca, p'e'n'enzy m'aw doš'ć, pa n'i m'ew v'fosuf pa, že to był ji'go kraj, Č'eli'novec, š'e to tak 'potym nazy'valo to. 'Ćelin 'novac. Je os'tał Č'elin'ovec.</p>	<p>Одни так рассказывают, что как-то так, это сербы рассказывали, что был один лысый, и у него было много денег, денег было много. И у него не было волос, а это был его край. Челиновац поэтому так называли, Деньги Челина (лысого), остался Челиновац (Челиновац, 2019).</p>

²² О границах подобных переходов в рамках цитирования в ситуации двуязычия см. (DORIAN 1997: 236–237). В типологии репортативной речи выделяется «свободная косвенная речь», а также конструкции с эллипсисом показателя синтаксической связи (ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ 2020).

5.4.	словен.	Je bla 'vojna 'bolnica 'nemška. In 'tisti 'Nemc je 'reku, 'ajde, ope'riraću ga, če os'tane os'tane.	Была военная больница немецкая. И этот немец сказал: «Хорошо, я буду его оперировать, если выживет, то выживет» (Баня-Лука, 2017).
5.5.	чеш.	Z. – Ma s- česka pjesma a čekaj dok s-, čekaj dok se sjetim kako... Ma ne, ne bi, ne bi z'nala p'revest.. 'Danas nam je k'rasan dan, k'rasan, krasni den, krasni den, našej (имя) imenden a to je složenej, a po česki to se ne... S. – A to se spivalo srpski? Z. – Ba spivalo se srpski no. 'Danas nam je 'ranom 'zorum, 'danas nam je 'ranom 'zorum os'vanuo li'jepi dan. 'Danas nam je 'ranom 'zorum, 'rano os'vanuo fajnej den, e-e kao i za 'tebe, d'raga (имя), (имя) za tvoj 'rođe- za tvoj imenden.	З. – Да, чешская песня, подожди, сейчас вспомню, как... Нет, не смогу перевести. Сегодня у нас прекрасный день, прекрасный, прекрасный день, у нашей (имя) imenden (серб. «imendan» – именины), это сложно, а по-чешски не... С. – А это пели по-сербски? З. – Пели по-сербски, да. Сегодня с утренней зарей, настал замечательный день, утром настал замечательный день, э-э как и для тебя, дорогая (имя), (имя), на твой день рожде[ния], на твои именины (Лужани, 2019).

6. Информанты обращают внимание исследователя на лексемы/высказывания с целью удостовериться, знакомо ли ему их значение (PETROVIĆ 2008: 172–173). И здесь не обязательно речь идет о контактных элементах. Часто таким образом маркируются слова из сферы традиционной материальной или духовной культуры изучаемой общины, которые, по мнению собеседника/собеседников, могут быть неизвестны исследователю. Так, информанты из деревенской среды предполагают, что исследователь из города может не иметь представления о том, как используются те или иные предметы в сельском хозяйстве (напр., *hrabje*, чеш. *hrábě* – «грабли» в 6.6). В таких высказываниях четко маркируется присутствие исследователя: используется глагол «знать» во втором лице множественного или единственного числа (в зависимости от социальной дистанции и разницы в возрасте между исследователем и собеседником) в вопросительной или отрицательной форме. После этой формулы следует толкование, зачастую очень развернутое и подробное. Информанты в таком случае выступают с позиции носителя авторитетного знания, которым они могут поделиться с исследователем (а если учесть, что практически все собеседники в силу языковой ситуации в изучаемых сообществах люди старшего и пожилого возраста, то практически всегда это воспринимается как передача жизненного опыта младшему поколению). Контроль за понимаем может быть нацелен не только на значение лексемы, но и на ее форму. Так, в примере 6.4. собеседница хотела удостове-

риться, правильно ли была понята форма словенского числительного,²³ для чего повторила ее еще раз на сербском языке.

6.1.	укр.	Z'najete šo vre'tena? 'Samo p'resty 'vovnu, ta'kevo 'dowye vu'no <...> i to tu'dy ž'in'k'y 'kuž'il' 'maly, i tu'dy p'rely na 'ruke, a je ta'ka ma'šyna, v'i'zok s'i nazy'vaw, a'le to z vre'tenom, naj'b'il'še p'rely.	Знаете, что такое веретёна? Только прясть шерсть, оно такое длинное ... и тогда у женщин была кудель и тогда пряли руками, а есть такая машинка, называлась v'i'zok, но это веретеном больше всего пряли (Просьек, 2018).
6.2.	укр.	O. – I 'tamka še u nas, na Ter'n'anax tyx, to pek'ly, fs'i, za v'is'il'a koro'vaji pek'ly, z'najete šo korova'ji? P. – Vy's'il'nyj toj xl'ip. O. – Ta'kvj ve'lykyj, to koro'vaj s'a nazy'vaw.	O. – И там у нас в Триянах пекли все на свадьбы караваи, знаете, что такое каравай? П. – Свадебный хлеб. O. – Такой большой, это каравай назывался (Трнополе, 2019).
6.3.	словен.	'Mošt je, vi ne 'veste kaj je mošt , to je sok 'jabukow, pus'tite da zač'ne wret, za'četak 'wretja in je to 'slatko, 'ampak že ma mal alko'xola.	<i>Muscii</i> (промежуточный продукт при производстве вин), вы не знаете, что такое <i>muscii</i> . Это яблочный сок, вы оставите его, чтобы он начал кипеть, начало кипения и это сладкое! Но уже содержит немного алкоголя (Слагина, 2017).
6.4.	словен.	A kār sām bi'la pri 'svojemu 'majstru, od š'tiriin'šezdesetga, z'nate? 'šestini'tirideset z'nate ko je? 'Hiljadu 'devetsto 'četrdeset 'šesta.	Я была при своем мастере, с 64 года, знаете, с 46, знаете, что это? 1946 год. (Баня-Лука, 2017).
6.5.	укр.	Š. – A z'najete čo ka'zaly vuš'ewc'i? H. – Ta jag 'vušu. Š. – A 'maly i vu'šej, 'dosta bu'lo vu'šenyx. H. – Bjut 'vuše. Š. – Za 'toje šo 'maly ba'yato vu'šej. Ne vu'šej, a b'lox'iw! Ti 'vaške.	Ш. – А знаете, почему говорили вшивые? Г. – Это как вши. Ш. – У них были вши, было много вшивых. Г. – Бьют вшей. Ш. – Потому, что у них было много вшей. Не вшей, а блох! Эти вши. (Просьек, 2018).
6.6.	чеш.	I onda ho svažou na hrabje. Viš co sou hrabje?	И потом его привязывают к граблям. Ты знаешь, что такое грабли? (Лужани, 2019).
6.7.	чеш.	Vite co je potok? Mala žeka.	Знаете, что такое ручей? Маленькая река (Нова-Вес, 2019).

7. Как правило, дискурсивные стратегии и метаязыковые комментарии не встречаются в чистом виде. Часто происходит их комбинация в пределах одного высказывания. Так, объясняя, когда поляки отмечают

²³ Привести к коммуникативным трудностям в 6.4. могла модель следования единиц и десятков; при этом собеседница сама допустила ошибку в числительном, произнеся его первый раз.

Сретение, информант в 7.1. столкнулся с затруднением, не смог вспомнить польское название месяца – февраля (коммуникативные проблемы при назывании месяцев повсеместно встречаются также у украинцев см., напр., 3.2, и у чехов, см. 1.8). В начале заметна хезитация, растягивание финального гласного, затем вопрос к присутствующим, как называется этот месяц. Далее следует хорватское название февраля (вероятно, приведенное потому, что польское слово *luty*, как и хорватское *veljača*, не соответствует интернациональным названиям). После собеседник прибегает к распространенной в данном регионе (в том числе и в хорватском разговорном языке) стратегии – называет месяц при помощи порядкового числительного, за чем следует оправдание за незнание.

В 7.2. собеседница останавливается на лексеме *drožž'i*. Она знает, что по-чешски дрожжи называются другим словом, а это слово она узнала от отца-поляка, поэтому сначала уточняет, ясно ли, о чем идет речь. К объяснению подключается ее муж-украинец, который уточняет, что *drožž'i* – это по-польски, а на украинском – *dr'izz'i*. Информантка-чешка объясняет через описание: «это то, с чем месят хлеб» и констатирует, что не знает, как это сказать по-чешски. В данном высказывании вновь находит свое отражение сложная этноязыковая структура местности, где проживают представители чешского меньшинства, а также сложная языковая биография информантки. Ее мать – чешка, отец – поляк, но из-за того, что чехов в общине было больше, в семье всегда говорили по-чешски. Супруг информантки – украинец, с ним она говорит на сербском и украинском (ср. ее же высказывание в 3.11, что она сорок лет не говорит по-чешски, а только на по-украински и по-сербски).

7.1.	польск.	To je dru'g'igo-o, š'če ^{ng} 'ič' - jak š'e nazy'vaju te-e, 'veljača. Po 'pol'sk'i , d'rug'i 'm'eš'uc. Mum tam ka'l'indaš v 'guže 'pol'sk'i i n'e na'uče š'e.	Это второго, как называют этот, февраль. По-польски – второй месяц. У меня там календарь наверху польский, и я не выучу (Челиновац, 2019).
7.2.	чеш.	Z. – Samo mi je žekl, že se na, co se-e, d'rožž'i, viš tiš? Neviš ti co je d'rožž'i. Neviš ci ti.. Ti seš čex. M. – To je po pol'ski . Z. – To je po pol'ski , tam, tamo mi je. S. – A co to je? Z. – To je, ma joj neumim žeknu česki. Co se xleba za- misit. S. – A-a, co se dava do xleba.	З. – Он только сказал мне, что на, <i>drožž'i</i> , ты знаешь? Ты не знаешь, что такое <i>drožž'i</i> . Ты не знаешь. Ты чех. M. – Это по-польски. З. – Это по-польски, там, там у меня. С. – А что это? З. – Это, ой, не могу сказать по-чешски. То, с чем хлеб месят.

	<p>Z. – Co se dava do xleba, pa ja, ma ja. To mi žekl po pol'ski jak se... M. – То је, d'r'izž'i po ukra'jinski. Z. – Pa ja, d'rožži po pol'ski, a česki ja an'i nevim jak se žika.</p>	<p>C. – А, то, что добавляют в хлеб. З. – То, что добавляют в хлеб, да, да. Он мне это сказал по-польски, как... M. – Это <i>dr'izž'i</i> по-украински. З. – Ну да, <i>drožži</i> по-польски, а по-чешски я даже не знаю, как сказать (Лужани, 2019).</p>
--	--	--

8. Информанты находятся в процессе языковой ассимиляции: число оставшихся активных говорящих сокращается как в связи с естественной убылью населения, так и в связи с возросшей миграцией за границу (а также из-за последствий военных действий 1990-х годов). В этих условиях собеседники не всегда бывают уверены в «чистоте» и «правильности» собственного языка и вынуждены активно использовать разнообразные дискурсивные практики, в том числе те, которые выражают их неуверенность и сомнения в выборе адекватного языкового варианта. Однако в общей доле высказываний метаязыковая рефлексия занимает от 5 до 10%, а случаев метаязыкового комментирования по ходу нарратива еще меньше.

Судя по распространенности метаязыковых комментариев в совершенно разных языковых ситуациях, особенно в случае межъязыковых и междиалектных контактов, они не являются чем-то необычным (напротив, их отсутствие будет восприниматься как нечто неординарное). Однако для каждого региона они будут уникальными, прежде всего потому, что содержат в себе информацию о конкретной языковой ситуации, как в плане содержания, так и в плане выражения; они являются частью мозаичной языковой палитры Боснии и Герцеговины, еще мало изученной с точки зрения контактологической проблематики (особенно – когда речь идет о миноритарных славянских языках). Элементы этих комментариев могут быть произнесены на разных языках, используемых в конкретном миноритарном сообществе, отражать лингвистическую биографию говорящего, содержать характерные для изучаемого региона этнонимы, конфессионимы, локально-территориальные прозвища, территориальные наименования и т.д., а выбор «проблемных» точек, фокусировка внимания на них членами сообщества (тем более ценных, если они актуализируются без вмешательства со стороны исследователя!), характеризует круг значимых для них лексем и выражений, в том числе и с культурной семантикой, что определяет идентичность изучаемой общины. В настоящем исследовании для всех обсуждаемых идиомов впервые разработана и представлена классификация метаязыковых высказываний, что стало возможным благодаря транскрибированию и обобщению большого массива собранных в поле диалектных нарративов. Кроме того, впервые

на примере наиболее значимых славянских миноритарных сообществ в Боснии и Герцеговине показаны: структура метаязыкового комментария и сопутствующих дискурсивных практик, их типологическая близость (с точки зрения структуры и семантики) к явлениям похожего типа как в славянской, так и в неславянской среде, демонстрируется, какие «проблемные» места в нарративах и конкретные лексические элементы чаще всего подвергаются метаязыковому осмыслению, а также представлены их содержательный анализ и трактовка с учетом сложного этноконфессионального окружения, в котором проживают информанты. Предлагаемая модель может быть применена при анализе нарративов из других контактных зон.

Цитированная литература

- АЛЕКСАНДРОВ, Олег А. „Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев“. *Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика* № 15 (2015): стр. 266–274.
- [ALEKSANDROV, Oleg A. „Skrytje pokazaniâ obydenного metaâzykovого soznaniâ tomskih nemcev“. *Vestnik nauki Sibiri. Seria Filologija. Pedagogika* № 15 (2015): str. 266–274]
- ВРАЊЕШ, Рајко, Александра Зец, Драгана Мандић, Богдана Радић, Владан Сибиновић, Бојан Станковић (ред.). *Попис сѣановнишѣва, домаћинсѣва и сѣанова у Реѣублици Срѣској 2013. године. Еѣничка/национална ѣрипадности, вјероисѣовијеси и маѣерњи језик*. Бања Лука: Републички завод за статистику Републике Српске, 2017.
- [VRANJEŠ, Rajko, Aleksandra Zec, Dragana Mandić, Bogdana Radić, Vladan Sibinović, Bojan Stanković (red.). *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine. Etnička/nacionalna pripadnost, vjeroispovijest i maternji jezik*. Banja Luka: Republički zavod za statistiku Republike Srpske, 2017]
- Головко, Евгений В. „Переключение кодов или новый код?“. *Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии*, Вып. 1 (2001): стр. 298–316.
- [GOLOVKO, Evgenij V. „Pereklučenie kodov ili novyj kod?“. *Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Trudy fakul'teta ètnologii*, Vyp. 1 (2001): str. 298–316]
- Дрљача, Душан. *Колонизација и животи Пољака у југословенским земљама: од краја XIX до ѣоловине XX века*. Београд: Етнографски институт САНУ, 1985.
- [DRLJAČA, Dušan. *Kolonizacija i život Poljaka u jugoslovenskim zemljama: od kraja XIX do polovine XX veka*. Beograd: Etnografski institut SANU, 1985]
- Лотман, Юрий М. *Статьи по семиотике культуры и искусства*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002.
- [LOTMAN, Ūrij M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 2002]
- Морозова, Мария С. „Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании“. *Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы* (18–20 апреля 2017): стр. 137–143.

- [MOROZOVA, Mariâ S. „Paradoks issledovatelâ na Balkanah: pereklučenie kodov u bilingval'nyh informantov pri interv'ûirovanii“. *Balkanskij tezaurus: Vzglâd na Balkany izvne i iznutri. Balkanske čtenîâ 14. Tezisy i materialy* (18–20 aprilâ 2017): str. 137–143.
- НИКОЛАЕВА, Татьяна М. *О чем рассказывают нам тексты?* Москва: Языки славянских культур, 2012.
- [NIKOLAËVA, Tat'âna M. *O čem rasskazyvaût nam teksty?* Moskva: Âzyki slavânskikh kul'tur, 2012]
- ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ, Елена В. „Репортативная речь в удэгейском языке и шире“. *Вопросы языкознания* № 1 (2020): стр. 84–103.
- [PEREHVAL'SKAÂ, Elena V. „Reportativnaâ reč' v udêgejskom âzyke i šire“. *Voprosy âzykoznanîâ* № 1 (2020): str. 84–103]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии“. *Славянский альманах* № 3–4 (2017): стр. 380–407.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Metaâzykovye vyskazyvaniâ staroobrâdcev Latgalii“. *Slavânskij al'manah* № 3–4 (2017): str. 380–407]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки“. *Славяноведение* № 3 (2018): стр. 64–80.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Markirovanie interferencionnyh âvlenij v slavânskoj reči Ūžnoj Americi“. *Slavânovedenie* № 3 (2018): str. 64–80]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии“. *Jezikoslovni zapiski* № 1(23) (2017): стр. 153–171.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Pereklučenie koda v rusском âzyke staroobrâdcev Latgalii“. *Jezikoslovni zapiski* № 1(23) (2017): str. 153–171]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. *Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне»*. Москва: Нестор-История, 2017.
- [PILIPENKO, Gleb P. *Âzykovaâ i ètnokul'turnaâ situaciâ voevodinskih vengrov: vzglâd «iznutri» i «izvne»*. Moskva: Nestor-Istoriâ, 2017]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины“. *Живая старина* № 4 (2017): стр. 29–32.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Svadebnye obrâdy u ukraincev Bosnii i Gercegoviny“. *Živââ starina* № 4 (2017): str. 29–32]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры“. *Лицеум* бр. XXII/17 (2016): стр. 89–98.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Ukrainskij ostrov v Bosnii i Gercegovine: polevoe issledovanie âzyka i kul'tury“. *Liceum* br. XXII/17 (2016): str. 89–98]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины“. *Вестник славянских культур* Т. 52 (2019): стр. 199–217.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Fonetičeskaâ harakteristika ukrainskogo govora Bosnii i Gercegoviny“. *Vestnik slavânskikh kul'tur* Т. 52 (2019): str. 199–217]
- ПИЛИПЕНКО, Глеб П. „Дискурсивные практики в речи украинцев Боснии и Герцеговины“. *Славяноведение* № 3 (2020): стр. 89–103.
- [PILIPENKO, Gleb P. „Diskursivnye praktiki v reči ukraincev Bosnii i Gercegoviny“. *Slavânovedenie* № 3 (2020): str. 89–103]
- ПОПОВИЋ, Стојанка. „О позајмицама и њиховом продирању у језик чешких насеља у Босни“. *Анали Филолошког факултета* 11 (1974): стр. 387–403.
- [POPOVIĆ, Stojanka. „O pozajmicama i njihovom prodiranju u jezik čeških naselja u Bosni“. *Anali Filološkog fakulteta* 11 (1974): str. 387–403]

- ПРЕРАДОВИЋ, Љубиша, Милијана Окиљ, Мирослав Малиновић, Гордана Прерадовић. *Vjerski objekti nacionalnih manjina u Republici Srpskoj*. Бања Лука: Међународно удружење научних радника – АИС, 2017.
- [PRERADOVIĆ, Ljubiša, Milijana Okilj, Miroslav Malinović, Gordana Preradović. *Vjerski objekti nacionalnih manjina u Republici Srpskoj*. Banja Luka: Međunarodno udruženje naučnih radnika – AIS, 2017]
- СИКИМИЋ, Биљана. „Вишејезичност Банатских Рома: ромски, српски и румунски језик у свакодневној комуникацији“. У: Тибор Варади, Горан Башић (ур.). *Промене идентитетa, културе и језика Рома у условима њанске социјално-економске интеграције*. Београд: САНУ, 2012: стр. 419–434.
- [SIKIMIĆ, Biljana. „Višejezičnost Banatskih Roma: romski, srpski i rumunski jezik u svakodnevnoj komunikaciji“. U: Tibor Varadi, Goran Bašić (ur.). *Promene identiteta, kulture i jezika Roma u uslovima planske socijalno-ekonomske integracije*. Beograd: SANU, 2012: str. 419–434]
- ТОКАР, Т. Я. „До питання розвитку лексики українських острівних говірок Боснії“. В: П. Ю. Гриценко (отв. ред.). *Дослідження з української діалектології*. Київ: Наукова думка, 1991: с. 140–151.
- [ТОКАР, Т. А. „Do pitanja razvika leksiki ukraїns'kih ostrivnih govirok Bosnii“. V: P. Ū. Gričenko (otv. red.). *Doslidžennâ z ukraїns'koї dialektologii*. Kiїv: Naukova dumka, 1991: s. 140–151]
- ТОКАР, Т. Я. „Українська мова в Сербії, Боснії і Герцеговині, Хорватії“. В: В. М. Русанівський и др. (ред.). *Українська мова. Енциклопедія*. Київ, 2004. с. 731.
- [ТОКАР, Т. А. „Ukraiñs'ka mova v Serbii, Bosnii i Gercegovini, Horvatii“. V: V. M. Rusanivs'kij i dr. (red.). *Ukraiñs'ka mova. Enciklopediâ*. Kiїv, 2004. s. 731]
- ТОКАР, Т. Я. „Українські поселення в Югославії і вивчення їх говірок“. В: *Питання української діалектології і міжмовних (міждіалектних) контактів*. Дніпропетровськ, 1972.
- [ТОКАР, Т. А. „Ukraiñs'ki poselennâ v Ūgoslaviї i vivčennâ ih govirok“. V: *Pitannâ ukraїns'koї dialektologii i mižmovnih (miždialektnih) kontaktiv*. Dnipropetrovs'k, 1972]
- ФЕРШУЕРЕН, Джеф. „Заметки о метапрагматической осведомленности в использовании языка“. Пер. с фр. Я. О. Глембоцкой. *Критика и семиотика* № 3/4 (2001): стр. 85–105.
- [FERŠUEREN, Džef. „Zametki o metapragmatičeskoj osvedomlennosti v ispol'zovanii âzyka“. Per. s fr. Ū. O. Glembockoj. *Kritika i semiotika* № 3/4 (2001): str. 85–105]
- ЦЕСАРСКАЯ, Анна Е., В. И. Шестопалова „Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи“. *Вестник Новосибирского Государственного университета. Серия: История, филология* Т. 16. № 9 (2017): стр. 65–75.
- [CESARSKAĀ, Anna E., V. I. Šestopalova. „Metapokazateli avtokorrekcii v razgovornoj reči“. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoriâ, filologiiâ* Т. 16. № 9 (2017): str. 65–75]
- AUER, Peter. “From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech”. *International Journal of Bilingualism*, Volume 3, Number 4 (December 1999): pp. 309–332.
- DORIAN, Nancy C. “Telling the Monolinguals from the Bilinguals: Unrealistic Code Choices in Direct Quotations within Scottish Gaelic Narratives”. *International Journal of Bilingualism* No. 7 (1997): pp. 41–54.

- GAJARANGA, Joseph. "Language alternation and conversational repair in bilingual conversation". *International Journal of Bilingualism*, Vol. 16, No. 4 (2012): pp. 501–527.
- GAŁUSZKOWSKI, Michał. „Uwagi teoretyczne na temat zmiany kodu w monologach starowierców mieszkających w Polsce”. *Acta Baltico-Slavica*, Vol. 39 (2015): s. 159–173.
- GUMPERZ, John J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- ILIĆ, Marija. *Discourse and Ethnic Identity: The Case of the Serbs from Hungary*. München – Berlin – Washington D. C.: Verlag Otto Sagner, 2014.
- KOKAISL, Petr a kol. *Krajané: Po stopách Čechů ve východní Evropě*. Praha: Za hranice – Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozně ekonomické fakultě ČZU v Praze, 2009.
- LAIHONEN, Petter. "Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach". *Journal of Sociolinguistics* № 12/5 (2008): pp. 668–693.
- LÜDI, Georges. "Code-Switching". In: U. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier, P. Trudgill (eds.). *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society = Soziolinguistik : Ein Internationales Handbuch Zur Wissenschaft Von Sprache Und Gesellschaft* Vol. 1. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2004: pp. 341–350.
- MÁRKU, Anita. *Érvényes történetek. Nyelvválasztási és kódváltási kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar fiatalok körében*. Ungvár – Beregszász: Poli-Print, 2008.
- MATRAS, Yaron. "Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing". *Linguistics* Vol. 36, No. 2 (1998): pp. 281–331.
- MUYSKEN, Pieter. *Contact Linguistics. Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- MYERS-SCOTTON, Carol. *Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- PAPEŽ ADAMIČ, Vera. *Od prednikov do potomcev. Slovenci v Slatini in Banjaluki: 1923–2008*. Banjaluka: Društvo Slovencev Triglav, 2009.
- PETROVIĆ, Tanja. *Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika*. Beograd: SANU, 2008.
- POPLACK, Shana. "Sometimes I'll Start a Sentence in Spanish y termino en español: toward a Typology of Code-switching". *Linguistics* Vol. 18 (1980): pp. 581–618.
- POPOVIĆ, Stojanka. *Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo)*. Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968.
- THOMAS, Alan R. "Change and decay in language". In: D. Crystal (ed.). *Linguistic controversies: Essays in linguistic theory and practice in honour of F. R. Palmer*. London: Edward Arnold, 1982.
- UHEREK, Zdeněk. *Češi v Bosně a Hercegovině: antropologické pohledy na společenský život české menšiny v zahraničí*. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011.
- VASILJEVIĆ, Dragana. "The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska". *Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives* (2017): pp. 163–182.

- VERSCHIK, Anna. Metalinguistic comments and multilingual awareness: Estonian-Russian language contacts in blogs. *Applied Linguistics Review* Volume 10, Issue 3 (2017): pp. 389–415.
- WASSERSCHIEDT, Philipp. *Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.)*. Berlin, 2015.
- ZENTELLA, Ana Celia. *Growing up bilingual*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Сергеј А. Борисов
Глеб П. Пилипенко
Институт за славистику Руске академије наука

ДИСКУРСИВНЕ ПРАКСЕ И МЕТАЈЕЗИЧКИ КОМЕНТАРИ У ГОВОРУ
ПРЕДСТАВНИКА НАЦИОНАЛНИХ МАЊИНА БОСНЕ И ХЕРЦЕГОВИНЕ
(НА ПРИМЕРУ СЛОВЕНСКИХ ЗАЈЕДНИЦА У РЕПУБЛИЦИ СРПСКОЈ)

Резиме

У раду је размотрена типологија метаяезичких исказа у говору представника словенских мањинских заједница који живе у Републици Српској (Босна и Херцеговина). На материјалу који су аутори прикупили од носилаца украјинског, пољског, словеначког и чешког језика током теренских истраживања 2016–2019. године, показано је да метаяезичко коментарисање иде заједно са контактним и унатарјезичким елементима. Овакви коментари одражавају веома компликован етнички и верски састав територије на којој су вршена теренска истраживања и сведоче о језичкој ситуацији у проучаваним заједницама.

Кључне речи: метаяезички коментари, билингвизам, Босна и Херцеговина, језичке мањине, словенски језици, говори досељеника, украјински језик, словеначки језик, пољски језик, чешки језик, српски језик, теренско истраживање, преклапање кодова.

Sergey A. Borisov
Gleb P. Pilipenko
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

DISCURSIVE PRACTICES AND METALINGUISTIC COMMENTS IN THE
SPEECH OF REPRESENTATIVES OF NATIONAL MINORITIES IN BOSNIA
AND HERZEGOVINA (THE CASE OF SLAVIC COMMUNITIES IN THE
REPUBLIC OF SRPSKA)

Summary

The paper discusses the typology of metalinguistic comments in the speech of representatives of the Slavic minority communities residing in the Republic of

Srpska (Bosnia and Herzegovina). Using a corpus of examples from the Ukrainian, Polish, Slovene and Czech languages gathered during fieldwork carried out between 2016 and 2019, the authors show that the informants provide both contact elements and intralinguistic units with metalinguistic comments. Such comments reflect the complex ethnic and confessional composition of the area where the field research was conducted, providing information about the linguistic situation in the communities under scrutiny.

Keywords: metalinguistic comments, bilingualism, Bosnia and Herzegovina, language minorities, Slavic languages, immigrant dialects, Ukrainian language, Slovene language, Polish language, Czech language, Serbian language, field research, code switching.